

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ**

**РОССИЯ И МИР
ГЛАЗАМИ ДРУГ ДРУГА:
ИСТОРИЯ ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ**

**ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Москва, 25–26 ноября 2008 года

**Москва
2008**

Данный сборник составили тезисы докладов, представленных на Всероссийскую научную конференцию «Россия и мир глазами друг друга: история взаимовосприятия». Конференция состоялась в Москве 25–26 ноября 2008 года.

На конференции, помимо пленарного заседания, на котором прозвучало несколько докладов методологического плана, работали три секции, посвященные истории взаимовосприятия России и мира соответственно в IX–XIX веках, первой и второй половине XX века – вплоть до начала века XXI–го. Это и определило структуру данного сборника.

Ответственный редактор:
канд. ист. наук А.В.Голубев

Редколлегия:
*д-р ист. наук О.Г.Агеева, канд. ист. наук Н.Н.Аурова,
д-р ист. наук В.А.Невежин*

**«Бе же тогда нужда велика от иноплеменникъ...»:
образ врага в «Житии Александра Невского»**

Для ранней древнерусской книжной традиции был характерен высокий уровень славянского этноцентризма и определенная градация других этносов по уровню престижности³¹. В формируемых под пером летописца иноэтничных образах бросаются в глаза существенные отличия, например, в восприятии народов германо-романского круга, с одной стороны, и тюркского – с другой. Наглядно это видно при описании взаимоотношений восточных славян с аварами, хазарами и варягами³². Авары отличались от нормальных людей как внешним видом и непомерной гордыней, так и изощренными издевательствами в отношении побежденных: запрягали в телеги славянских женщин вместо волов и коней. Как тяжелое рабство, воспринималось и хазарское господство. Здесь нет сюжетов, подобных запряганию женщин. Летописец нашел другое, не менее сильное средство передачи всей тяжести хазарского гнета, сравнив его с библейским порабощением евреев египтянами.

Аварское и хазарское завоевания, в понимании восточных славян, стали квинтэссенцией иноземного ига: с точки зрения язычников – первое, христиан – второе. Воспоминания об этом долго сохранялось в народной памяти. Особо показателен данный факт при сравнении с отношением древнерусской книжной традиции к варяжскому господству. При всей сложности и двойственности отношения к варягам, несомненно их более высокое место в древнерусской иерархии этносов по сравнению с аварами, хазарами, а потом печенегами и половцами. Родством с ними гордились.

³¹ При этом в рамках славянских «племен» для летописца существует собственная иерархия.

³² См.: *Пузанов В.В.* Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007.

«Немцы» в «Повести временных лет» упоминаются несколько раз, в основном в этноконфессиональном смысле, поскольку большая часть упоминаний приходится на летописный сюжет выбора веры. Строго в этническом значении «немцы» упоминаются в летописном перечне народов и рассказе о немецком посольстве к Святославу Ярославичу. В первом случае отношение к ним нейтральное, во втором – скорее доброжелательное.

Батыево нашествие открыло новую страницу взаимоотношений восточных славян с кочевым миром и круто развернуло ход истории Руси. Немаловажную роль в этом процессе сыграло начало крестоносно-католической экспансии, которая, в итоге, вопреки замыслам ее вдохновителей, способствовала не вестернизации (посредством католизации), а ориентализации Руси. Намечается и изменение в восприятии в русской книжной традиции народов германского и тюркского этнокультурного кругов. Конечно, восприятие это имело существенные нюансы, определяемые региональными, хронологическими, политическими и другими факторами. Особый интерес представляет «Житие Александра Невского», в котором в концентрированном виде отражен вектор выстраиваемых Александром отношений с востоком и западом. Житие не только демонстрирует новые тенденции, но и стоит особняком в кругу произведений XIII ст., отражающих становление монгольского ига.

По мнению В.А.Кучкина, древнейшая (1-я) редакция Жития была написана «в конце 1263 – 1265 гг., т.е. сразу после смерти Александра». В качестве явного военного противника Александра в нем выступают шведы (король страны полночной), «немцы», литовцы. Монголо-татары в качестве такового не фигурируют и о самом Батыевом нашествии ничего не говорится.

Понятия «Русская земля» встречается в Житии один раз, и то не во всех списках 1-й редакции³³ (не употребляются и «русский» и производные от него). Под пером книжника фигурируют «земля Александрова», «волость Александрова», «отечество Александрова», «земля Суздальская». Упоминаются

³³ «...Въ день воскресныа на память... святаго князя Владимира, крестившаго Русскую землю» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 479).

Новгород, Псков, Владимир, Боголюбов, Нижний Новгород и Городец, новгородцы, псковичи, полочане³⁴ и один раз – «словеньский язык».

По отношению к Руси упоминаются «Полунощная», «Западная» и «Восточная» страны. При этом понятие «Полунощная страна» используется в географическом значении (в данном случае – Швеция), тогда как «Западная страна» – не только в географическом, но и (говоря современным языком) – в этнокультурном³⁵.

Трудно сказать, в каком из двух вышеназванных значений используется «Восточная страна». С одной стороны, «Восточная страна» – государство не только восточное (держава Батыя), но и нехристианское³⁶, с другой – «Богъ покориль» сильному царю Восточной страны «языки многы, от вьстока даже и до запада».

В отношении враждебного окружения используются также понятия «Земля немецкая», «немци», «Божьи рыцари», «Литовский язык», «иноплеменники».

Различие в восприятии «востока» и «запада» проявляется в характеристике как народов, так и их правителей. Для автора Жития князя священи, особенно Александр: лицом Иосифа, силою Самсона, мудростию Соломона, храбростию Веспасиана. «...Князь Александръ – побежая, а непобедимъ», и «без Божия повеления не бе княжение его».

Король «от Полунощныя страны» – прямая противоположность. Он обуян гордыней до безумия. В таковом безумии король не только нарушил заповедь Господа, который положил пределы народам и запретил преступать чужие границы, но и понадеялся на «силу велику», тогда как Александр уповал на Бога и свою правду.

В ином свете предстает царь «Восточной страны» (Батый) и его отношения с Александром: «В то же время бе царь силенъ на Вьсточней стране, иже бе ему Богъ покориль языки многы,

³⁴ В списках, в которых присутствует сюжет о «шести храбрецах».

³⁵ Имеются в виду и Ливония, и Швеция и, видимо, в целом – католические государства.

³⁶ «Бе же тогда нужда велика от иноплеменникъ, и гоняхут христианъ...».

от востока даже и до запада. Тъй же царь, слышавъ Александра тако славна и храбра, посла к нему послы и рече: “Александре, веси ли, яко Богъ покорими многы языки? Ты ли един не хочещи покорити ми ся? Но аще хочещи съблюсти землю свою, то приеди... къ мне...”». Александр, следовательно, становится перед неизбежным – волей Бога. Показательно, что мотив Божьего наказания за грехи, характерный для произведений «Батыева цикла», здесь отсутствует. Бог покоряет народы сильному царю. Естественно, возникает вопрос, почему же Господь покорил Батыю и землю «угодника своего» Александра? Однако автор Жития благоразумно обходит его стороной.

Негативные этнические качества, обозначенные в характеристике шведского короля, характерны и для «немцев». Как и король, они, а не Александр выступают инициаторами противостояния. Рассудить его распрю с народом неправедным (неверным) и просит Александр перед битвой Господа.

Как и шведам, «немцам» сопутствует гордыня. «Немцы» – народ безбожный и неправедный. Поэтому Господь помог не им, а Александру. Гротескность ситуации подчеркивалась тем, что те, кто звали себя «Божии ритори» и похвалялись пленить Александра, оказались в его руках и вели их босыми у коней.

Общее между «немцами» и шведами и в том, что они – «римляне» и «от Западныя страны».

Показательно, что пребывание псковичей под немецкой властью автор сравнивает с египетским пленением!

Негативное восприятие татар фактически, отсутствует. Лишь однажды, по мнению В.А.Кучкина, в Житии «прорывается отрицательное отношение его автора к иноземному игу: «Беже тогда нужда велика отъ иноплеменник, и гоняхут христиан, веляще с собою воиньствовати»». Поэтому Александр «пойде к цареви, дабы отмолити люди от беды тоя».

Таким образом, с одной стороны, народ безбожный, народ неправедный, гордый, стремящийся поставить славян ниже себя, возглавляемый правителями, обуянными гордыней до состояния безумного. С другой – иноплеменники во главе с сильным царем, которому «Богъ покориль языки многы». За-

пад грозит Руси порабощением. «Нужда велика» же от восточных «иноплеменникъ» состоит в том, что они заставляли «христиан» воевать на своей стороне и могли разорить их землю. От первой беды можно было «отмолити люди» у царя. Была панацея и от разорения земли – не гневить «царя». Таким образом, защитой от немецкого рабства был меч, а защитой от татарской «нужды» – воля царя. Воюя с Западом или ублажая «царя», Александр действовал в соответствии с предначертанием Господа, которому он «пострада... крепко».

Показательно, что в мотивации военных походов Александра нет конфессиональной составляющей: князь вынужден отражать нападение короля Полночной страны и вторжение немцев, пытающихся пленить его самого и его землю. Идеологическая составляющая действий князя – соблюдение Божьего повеления, не преступать чужих границ, довольствуясь пределами, установленными Господом для каждого народа. Александр защищает свой, славянский народ, «да не похвалятся» немцы, «ркуще: “Укоримъ словеньскый языкъ ниже себе”».

Что касается сугубо конфессионального «патриотизма» Александра, то в открытой форме он проявляется не в военной, а дипломатической сфере деятельности, когда Ярославич отвечает отказом на предложение папы Римского принять католическое учение. В то же время, автор Жития дважды упоминает не просто о «Риме», а о «великом Риме»!

Таким образом, конфессиональную составляющую «патриотизма» Александрова нельзя отрицать. Но она выступала лишь фоном его «вотчинного» и «славянского» «патриотизма».

Е.И.Малето

Русские монахи о Египте XV столетия

История отношений между Россией и Египтом уходит своими корнями в раннее Средневековье. Первые упоминания о Египте содержатся в Священном Писании, «Толковой палее» – богословском трактате конца XII – начала XIII в. и в «Повести